

«Общественный договор» Томаса Гоббса: историко-философская реконструкция концепции

Суть и назначение государственности, природа власти, вопросы социальной динамики, составившие содержание знаменитого «Левиафана» Томаса Гоббса, актуальны сегодня как все фундаментальные философские вопросы. Необходимость выхода из «естественного», догосударственного, состояния и, как следствие, договорное происхождение государства интерпретируются Гоббсом в контексте общей антропологической теории. Природный эгоизм человека, жажда насилия, жажда самоутверждения, принимаемые философом за основу, определяют нездоровый социальный климат «естественного состояния». Оформление сильной неделимой верховной власти отменяет «право каждого на все», но создает гарантию защиты и стабильности. Формирование государства выступает разумной альтернативой социальному хаосу, «войне всех против всех». Гоббса, как теоретика политического абсолютизма, возможность тиранического использования неограниченной и бесконтрольной власти государства волновала гораздо меньше, чем конфликты частных интересов и порождаемая ими социальная анархия. Конечно, решения, предложенные английским философом XVII в., «хорошо читаются», в первую очередь, в контексте своей эпохи. Однако определенное «рациональное зерно», заложенное, безусловно, в концепции Гоббса, служит необходимым основанием для ее переосмысления.

The essence and purpose of statehood, the nature of power, the issues of social dynamics that compiled the content of the famous Leviathan by Thomas Hobbes, are relevant today as all fundamental philosophical questions. The necessity for a way out of the "natural", pre-state, state and, therefore, the contractual origin of the state, is interpreted by Hobbes in the context of a general anthropological theory. The natural human egoism, the thirst for violence, the thirst for self-affirmation, accepted by the philosopher as a basis, determine the unhealthy social climate of the "natural state". The registration of a strong undivided supreme authority abolishes the "right of everyone to anything", but creates a guarantee of protection and stability. The formation of the state is a reasonable alternative to social chaos, "the war of all against all." Hobbes, as a theorist of political absolutism, the possibility of tyrannical use of unlimited and uncontrolled state power worried much less than the conflicts of private interests and the social anarchy they engendered. Certainly, the solutions proposed by English philosopher of the XVII century, are "well read", primarily, in the context of his era. However, a "rational kernel", founded, definitely, in the concept of Hobbes, is the necessary basis for its reconsideration.

Ключевые слова: государство, власть, человеческая природа, договор, естественный закон, свобода, право.

Keywords: state, power, human nature, contract, natural law, freedom, right.

Анализ социально-политической теории Томаса Гоббса хотелось бы предварить словами известного австрийского философа науки Карла Поппера, довольно интересно подметившего как-то, что когда он обращается к прошлому, проблемы, рассматриваемые им, являются проблемами современности [1].

Действительно, сегодня в обществознании по-прежнему велик интерес к проблемам социальной динамики, тем более усиливающийся, чем более заметным становится ускорение темпа мировой истории, порождающее новые угрозы и риски для целостности общественного организма. По-прежнему жива мечта о рационализации (пусть и частичной) общественной жизни, противопоставившей себя социальному хаосу, опасности которого так ярко когда-то обрисовал автор знаменитого «Левиафана». И пусть сегодня мы имеем дело с другими формами политической организации общества, чем это было, может быть, три или четыре столетия назад. Изменились наши представления о нормах отношений с властью, о праве и, более того, иным возможно стало само осмысление, переживание социальной действительности. Но остались вопросы, поставленные задолго до нас, ждут своего переосмысления предложенные решения, которые не лишены безусловно определенного «рационального зерна». Разработки в области философской, социально-политической, правовой мысли англичанина Томаса Гоббса служат хорошим подтверждением этому.

Буржуазная революция в Англии, фактически начавшаяся в 1604 г., учреждение республики (1649–1653), установление диктатуры Оливера Кромвеля (1653–1658), последующая реставрация монархии Стюартов, хотя ограниченная парламентом, но вместе с тем отличающаяся реакцией и контрреволюционным террором, – в таких непростых исторических условиях склады-

валось социально-философское мировоззрение Гоббса. И не случайна, видимо, тематика одного из первых серьезных сочинений мыслителя – «О гражданине», однозначно определившая приоритеты его философских интересов как теоретика общественной жизни.

Конечно, большинство так называемых социальных вопросов – о сути и назначении государственности, о природе власти, интерпретации прав и обязанностей социальных субъектов – следует «читать» в приложении к Гоббсу, учитывая современную ему действительность. Объяснимы, таким образом, и его явные симпатии сильной государственной власти, и его выпады против мятежей, и довольно неоднозначное мнение о самой человеческой природе. Философ жил в непростое время. С другой стороны, так ли уж устарел его «Левиафан», этот своеобразный итог гоббсовских размышлений об обществе и государстве? Разве не актуальна по-прежнему его «сквозная» тема – принципиальная «конфликтность» человеческой природы и необходимость ее «обуздания»?

Поставив перед собой задачу объяснить суть возникновения и происхождения государства, логично было бы начать, что называется, с самого начала – «естественного», догосударственного состояния, что и предпринимает Томас Гоббс. Начинает он свои рассуждения по поводу естественного состояния человеческого рода с весьма неожиданного тезиса о природном равенстве людей в отношении физических и умственных способностей. Довольно спорный тезис, но, по мысли философа, вполне объясняющий наличие для каждого одинакового «права на все». Из равенства способностей вытекает, таким образом, равенство надежд на достижение целей. А поскольку два человека не могут обладать, например, одной какой-либо вещью, то неизбежно возникновение вражды между ними.

Интересно, как Гоббс, будучи невысокого мнения о человеке в целом, интерпретирует причины такой вражды, находя их естественно в самой человеческой природе. Итак, основных причин три: соперничество, недоверие, жажда славы. Соперничество равных по природе людей сопровождается насилием и возникает по поводу их притязаний на какие бы то ни было объекты собственности, будь то имущество другого человека или он сам, его жена, дети, скот и так далее. Недоверие между людьми ведет к тому, что люди употребляют насилие в целях самозащиты. Жажда славы приводит людей к тому, что они используют насилие в целях добиться от других почестей, признания своего превосходства, большего уважения [2]. Одним словом, негативные вобщем-то сущностные характеристики человека определяют крайне нездоровый социальный климат «естественного состояния».

Нужно также добавить, что Гоббс не был согласен с хорошо известным в истории политической мысли тезисом Аристотеля о том, что человек есть общественное животное и не может жить вне общества. Напротив, Гоббс убежден, что люди не испытывают никакого удовольствия от жизни в обществе, и заставить людей жить вместе и в мире друг с другом способна только верховная власть, держащая всех в подчинении. Гоббс уверен, что «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех» [3].

Таким образом, это «естественное состояние» не оставляет места для трудолюбия, поскольку никому не гарантированы плоды его труда. Нет, следовательно, ни земледелия, ни судоходства, ни морской торговли, нет общества. «Естественное состояние», предполагающее «право на все», лишает в то же время человека, как бы это парадоксально не прозвучало, вообще какого бы то ни было права, оставляя на его долю лишь вечный страх и постоянную опасность насильственной смерти.

Естественное состояние, безусловно, «плачевно», но не безвыходно, резюмирует Гоббс. В этом плане он отмечает, с одной стороны, так называемые «страсти» человека – страх смерти, желание вещей, необходимых для хорошей жизни, надежду приобрести их своим трудолюбием. Будем рассматривать их как своего рода импульс к преодолению естественного состояния. С другой стороны – разум. Именно естественный разум подсказывает людям, на каких условиях они могут этот процесс осуществить. В свою очередь, условия суть то, пишет Гоббс, что называется естественными законами.

Свое понимание естественного закона Гоббс предваряет определением собственно естественного права: «Естественное право есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения собственной природы, то есть собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого» [4]. Обратим внимание, что свободу философ понимает как отсутствие внешних препятствий, лишаящих человека возможности делать то, что он хотел бы. Примечателен и тот факт, что понятие «право» здесь явно определяется через понятие «свобода».

«Естественный закон есть предписание, или найденное разумом общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни» [5]. Из данного определения следует, по-видимому, что Гоббс предлагает различать право и закон. Буквально, право состоит в свободе делать или не делать что-то определенное, а закон определяет и обязывает к тому или другому члену этой альтернативы.

Разберем, как пример, некоторые наиболее интересные авторские интерпретации естественных законов. «Право всех на все» очевидно ставит под угрозу саму жизнь человека. Соответственно, первый и самый главный естественный закон велит искать мира и следовать ему. Если у человека не будет надежды достигнуть мира, то за ним остается естественное право защищать себя всеми возможными средствами.

Второй естественный закон подразумевает (в случае согласия на то других людей) отказ человека от права делать все, что он хочет в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, какую он допустил бы у других людей по отношению к себе [6]. Мотивом и целью при отречении от права является, таким образом, гарантия безопасности человеческой личности.

Примечательно, что при формулировке второго естественного закона Гоббсу пришлось прибегнуть к понятию гражданского состояния, которое он одновременно отождествил с понятием государства, определяя последнее как «организацию принудительной власти». Гоббс объяснял, что, если естественное состояние есть по сути «состояние войны всех против всех», то в гражданском состоянии имеется власть, установленная для оказания принудительного воздействия на тех, кто без этого воздействия нарушил бы свое слово. Под государством, таким образом, мыслитель предлагает понимать именно организацию принудительной власти [7].

Обратим также внимание на то, что первый закон естественного права провозглашает мир и безопасность в качестве главных политических ценностей, укорененных в разуме. Все прочие ценности должны использоваться в качестве лишь средств достижения мира. Так, второй естественный закон подчиняет «миру и безопасности» такую политическую ценность, как свобода индивида. Гоббс ведет речь именно о свободе индивида, которую выражает языком политической аксиологии. Он говорит об отказе каждого от своих прав в той мере, в какой этого требуют интересы мира и безопасности.

Третий естественный закон гласит, что люди должны выполнять заключенные ими соглашения. В этом естественном законе заключаются источники и начала справедливости. Природа справедливости состоит в выполнении соглашений, имеющих обязательную силу, но обязательная сила соглашений, по мысли Гоббса, начинается лишь с установления гражданской власти, достаточно сильной, чтобы принудить людей к выполнению своих соглашений, с чем совпадает также начало собственности.

Примечательны рассуждения Гоббса по поводу девятого закона. В противовес, кстати, известной доктрине Аристотеля о природном неравенстве людей, философ отмечает, что в естественном состоянии все люди равны, а существующее в настоящее время неравенство было введено гражданскими законами. Более того, Гоббс утверждает, что если природа сделала людей равными, то это равенство должно быть признано; если же природа сделала людей неравными, то равенство все же должно быть допущено, так как люди считают себя равными и вступают в договор не иначе, как на равных условиях. Сам же закон устанавливает, что каждый человек должен признать других равными себе от природы. Что характерно, таким образом, Гоббс вовсе не настаивает на равенстве людей как на эмпирическом факте, а признает равенство в качестве политического требования, иначе говоря, политической ценности.

Гоббс полагал, что в естественном состоянии то, что он формулирует в качестве естественных законов, существует как известного рода определенная природная предрасположенность людей, о которой с помощью разума можно сделать умозаключение. Эти предписания разума обычно называют законами, что, однако, не соответствует их сущности. Эти предписания лишь определенные умозаключения, а законом в собственном юридическом смысле является только то, что издано верховной властью и опирается на авторитет государства.

Получается, что законы, которые бы «работали» на сохранение базовой ценности человеческого общежития – безопасности – мы получаем, буквально договариваясь о гарантии их соблюдения. Воля многих (с полного их согласия) трансформируется во всеобщую волю, призванную осуществлять внешний контроль. Так, договорным образом, происходит переход от «естественного» состояния социального хаоса к гражданскому состоянию, так формируется государство – гарант соблюдения порядка.

Еще раз следует отметить, таким образом, что для Гоббса не существовало более высокой инстанции в вопросах права и морали, чем государство, которое с помощью законов регулировало, как бы мы сейчас сказали, политическое поведение людей (внешнюю сторону поведения). Как пишет, например, К. Хьюбер, Гоббс «отбрасывает естественное право, признавая значение лишь издаваемого сувереном гражданского государственного права. Естественно-правовые законы (как, например, запрет краж или смертоубийства) суть лишь пустые формулы, которые практически бесполезны. То, является ли нечто кражей, и в каких случаях это является кражей, или является ли нечто убийством и в каких случаях это является убийством в уголовно-правовом смысле, – все это подлежит определению исключительно в рамках законов, которые устанавливают, что вообще следует понимать под моим и твоим, под правом на жизнь и так далее» [8].

Итак, во имя достижения мира и безопасности, подталкиваемые инстинктом самосохранения, люди приходят к соглашению по поводу создания государства.

Люди от природы любят свободу и господство над другими, рассуждает Гоббс, но в тоже время осознают необходимость общей власти, накладывающей определенные узы и направляющей тем самым к общему благу. Необходимо согласие, построенное именно на соглашении и общей власти, поскольку «соглашение без власти, без меча – лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность» [9].

Такая власть, способная предоставить реальную защиту, может быть установлена лишь одним путем, а именно – путем сосредоточения всей полноты и силы власти в руках одного субъекта (индивидуального или коллективного).

Единство власти заключается не только в том, что она персонифицируется в едином субъекте, но и в том, что общая власть как бы учреждается каждым человеком. «Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в отношении общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителю общего лица» [10]. Если это совершилось, замечает далее Гоббс, то множество людей, объединенных таким образом в одном лице, будут называться государством.

Философ дает следующее определение сущности государства: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [11].

Неслучайно, видимо, Гоббс выбирает и название для своего проекта – Левиафан, согласно легенде, огромное чудовище, обитающее в воде, но, одновременно, олицетворение огромной мощи. Известно также, что Левиафан, созданный воображением Гоббса и помещенный на фронтисписе английского издания книги в 1651 г., представляет собой державного человека, состоящего из множества человеков [12]. Художник нарисовал туловище государя составным, очевидно, наглядно отражая идею Гоббса о сути государства как единстве, гармонично объединяющем множество.

Если говорить о действительном воплощении духа «великого Левиафана, смертного бога», то явно симпатии Гоббса на стороне монархической формы правления. Хотя философ и оговаривается, что «власть, если только она достаточно совершенна, чтобы быть в состоянии оказывать защиту подданным, одинакова во всех формах» [13], более того, приводит демократию и аристократию в качестве возможных альтернатив, его слова о «различиях в пригодности к осуществлению цели власти» проясняют вобщем-то ситуацию. Ведь что лучше монархизма согласуется с идеалом единой неделимой тотальной власти? Верховной власти удобнее быть именно монархической, поскольку «в личности короля олицетворено государство» [14].

Верховная власть, власть суверена, может быть учреждена, согласно Гоббсу, двумя путями. Во-первых, силой и, во-вторых, по добровольному соглашению. Учрежденное по добровольному соглашению государство называется политическим, или основанным на установлении. В истории политической мысли Гоббс, как известно, является представителем так называемой договорной теории происхождения государства. Следует иметь в виду, что у него мы не найдем напрямую словосочетания «договорная теория происхождения государства», но вместе с тем эту теорию он развивает, когда говорит о «договоре по согласованию». Что касается термина «политическое государство», то он впоследствии получил широкое распространение. Разговор о правах, образующих сущность верховной власти и одновременно являющихся ее признаками, Гоббс начинает именно с этого типа государства.

Подданные в таком государстве не имеют права без разрешения суверена свергнуть его власть и вернуться к хаосу разобщенной толпы. Заключая договор, каждый человек заключает его друг с другом, а не с сувереном, поэтому не может иметь место нарушение соглашения со стороны суверена и, следовательно, никто из его подданных не может быть освобожден от подданства под предлогом того, что суверен нарушил какие-либо свои обязательства. В компетенцию верховной власти входит судейство по поводу того, какие мнения и учения препятствуют и какие содействуют миру и безопасности. К верховной власти относится право учреждать гражданские законы, особенные законы каждого отдельного государства, в первую очередь законы о собственности. Составной частью верховной власти является и право юрисдикции, то есть право рассмотрения и решения всех споров, могущих возникнуть относительно закона, как гражданского, так и естественного, или относительно того или иного факта [15].

Подробно описывая, таким образом, компетенции верховной власти, Гоббс наделяет ее исчерпывающими правовыми полномочиями. Фактически речь идет о монополии на жизнь и смерть подданных суверена.

Философ, что характерно, настаивает на «неделимости и непередаваемости» этих прав, будучи убежден, что любое «дробление» права неизбежно расшатает, а то и вовсе сделает бесполезной всю властную структуру.

Кстати, Гоббс был уверен – и этот факт отмечают многие исследователи его творчества [16], – что причиной недавней гражданской войны в Англии послужило как раз неправильное мнение, распространенное среди большинства населения, что указанные права должны быть разделены между королем, лордами и палатой общин. Он полагал, более того, что в ближайшем будущем страна вернется к его идее неделимости верховной власти. Как известно из последующих событий, Гоббс заблуждался.

Положение подданных, вынужденных безропотно подчиняться прихотям и, возможно, порочным страстям носителя столь неограниченной власти, незавидно. И, конечно, Гоббс сознавал, что указываемый им объем содержания абсолютной власти способен отвратить людей от нее. Но не будем забывать, что, как теоретика политического абсолютизма, Т. Гоббса возможность тиранического использования неограниченной и бесконтрольной власти государства должна была беспокоить гораздо меньше, чем необузданные конфликты частных интересов и порождаемая ими смута социальной анархии. Как иронически замечает философ, «все люди от природы как бы снабжены замечательными увеличительными стеклами, каковыми являются их страсти и себялюбие, сквозь которые каждый маленький платеж их в пользу государства представляется им великой обидой. И одновременно они лишены тех подзорных труб, именно морали и гражданской науки, чтобы видеть издали те бедствия, которые грозят им и которых нельзя избежать без таких платежей» [17].

Поскольку Гоббс выделяет, судя по всему, три вида государства, а именно, монархию, демократию, аристократию, естественно предположить, что его заинтересует и вопрос о связи форм государственного устройства и государственно-политических ценностей, таких, например, как мир и безопасность. Действительно, Гоббс исследовал вопрос о том, как монархия, аристократия и демократия обеспечивают главное назначение государства – безопасность и мир.

«Всякий человек, облеченный властью, – рассуждает Гоббс, – несет в себе два начала: как политик он должен заботиться об общем благе, как частное лицо он имеет в виду свои собственные интересы, интересы своей семьи, родственников и друзей. Если общие интересы сталкиваются с его частными интересами, человек чаще всего отдает предпочтение своим интересам, ибо страсти сильнее разума. Общие интересы, поэтому более всего выигрывают там, где они более тесно совпадают с частными интересами. Именно такое совпадение имеется в монархии» [18]. Очевидно отсюда, что специфический «количественный» аспект власти, реализуемый монархической формой («власть в одних руках»), более всего соответствует духу власти в целом и ее назначению, по Гоббсу. Предпочтение, таким образом, отдается здесь монархии.

Довольно подробно разработана Гоббсом тема, посвященная государственным служащим верховной власти. Ими являются те, кому суверен поручает известный круг дел с полномочиями представлять в нем лицо государства.

Так, некоторым из государственных служащих поручается общее управление или всем государством (протекторы, регенты), или частью его (губернаторы, наместники, префекты). Их функции соответствуют функциям нервов и сухожилий, приводящим в движение различные члены человеческого тела. Другие чиновники ведают специальными отраслями управления внутри страны или за границей. Обратим внимание, что из специальных отраслей управления внутри страны на первом месте стоит управление государственным хозяйством. Далее, служат государству те, кто имеет полномочия в отношении войска. Не меньшее значение для государст-

ва в глазах Гоббса имеют те его служители, что имеют полномочия учить людей их обязанностям в отношении к верховной власти и наставлять в отношении того, что справедливо и несправедливо, чтобы сделать их склонными жить в благочестии и мире между собой и противостоять врагам государства. Служителями являются также те, кому поручено судопроизводство, те, кто имеет полномочия от суверена заботиться о приведении в исполнение судебных решений, обнаруживать его повеления, подавлять беспорядки, арестовывать и заключать в тюрьму преступников, а также совершать другие акты, имеющие целью сохранение мира. Их функции соответствуют функциям рук в естественном теле.

Для наилучшего отправления своих функций государственные служащие должны обладать и определенными качествами. Так, например, хорошего судью будут отличать, по Гоббсу, ясное понимание основного естественного закона, называемого справедливостью, презрение к излишнему богатству и к чинам, способность отвлекаться в своем суждении от всякого страха, гнева, ненависти, любви и сострадания и, наконец, способность терпеливо и внимательно выслушивать и запоминать, обдумывать и применять слышанное [19].

Аналогичным образом Гоббс комментирует и специфику других «служащих государства», но вот что здесь важно подчеркнуть. Так детально описывая «круг полномочий» «служащих», Гоббс, на наш взгляд, проводит идею необходимости внутренней упорядоченности, слаженности социальной структуры. Постоянные ссылки на приоритет государственной власти не оставляют сомнений в том, что должно фундировать, так сказать, эту упорядоченность. Опять же говорят об этом многочисленные аналогии с функциями организма – результат, кстати, влияния механизма на мировоззрение Гоббса.

Рассуждая о государстве, Гоббс не забывает также и тематику «преступления и оправдания». Источником преступления может быть незнание, ошибка в рассуждении, а также сила страстей, уверяет философ. Незнание касается в первую очередь незнания самого закона. Незнание естественного закона ни для кого не может служить оправданием, так как, само собой разумеется, что человек со зрелым умом знает, что он не должен делать другим того, чего не желал бы по отношению к себе. Забавно, что в последнем тезисе Гоббс воспроизводит, по сути, универсальное правило нравственности, которое отразил когда-то Конфуций в своей концепции «человечности», а позже будет использовать Кант, да и многие другие мыслители.

Безусловно, большое значение имеют размышления Гоббса о так называемых обязанностях суверена. Они определяются той целью, ради которой суверен был наделен верховной властью – обеспечением безопасности народа. Гоббс неоднократно подчеркивал, что под обеспечением безопасности он понимает не одно лишь обеспечение «голового» существования, но также обеспечение за каждым человеком всех благ жизни, приобретенных законным трудом, безопасным и безвредным для государства. Выполнение этой задачи подразумевает ожидание от суверенной власти как общих мер, состоящих в просвещении народа и издании и применении хороших законов, так и заботу, и защиту отдельных индивидуумов. Что касается просвещения народа, то оно в первую очередь, согласно Гоббсу, должно заключаться в том, чтобы народ не увлекся формами правления соседних народов и не стремился к изменению собственной формы правления под предлогом того, что другие народы под иным управлением живут в благополучии и благоденствии. Как тут не вспомнить слова другого известного ученого XVII в., хорватско-русского политического деятеля Ю. Крижанича, который советовал в свое время властителям: «Правь так, чтобы не захотели перемен. Для этого надо обеспечить благочестие, справедливость, покой, суд, мир» [20].

В целом, нужно признать, что весьма двойственное впечатление производят рассуждения Гоббса о «правах и обязанностях» суверена. Да, благо народа – высший закон. Именно это вменяет философ как первейшую обязанность лицу, облеченному высшей властью. Долг суверена, по Гоббсу, – хорошо управлять народом, ибо государство установлено не ради самого себя, а ради граждан. Безусловно, эти формулы исполнены политической мудрости и гуманизма. Но, с другой стороны, не остаются ли они в рамках гоббсовской теории скорее «декоративными вставками», в практическом плане ничего не значащими фразами?

Дело в том, что, согласно Гоббсу, люди, которые уже осуществляют верховную власть, в какой-либо реальной зависимости от народа не находятся и поэтому никакой обязанности перед ним фактически не несут. Правители лишь испытывают, оговаривается Гоббс, нечто субъективное «по отношению к разуму, который представляет собой естественный, моральный и божественный закон и которому они должны повиноваться во всем, насколько это возможно» [21]. А так как создание соответствующих социальных правовых институтов, которые бы извне обеспечивали подобное повиновение суверена, Гоббс не допускает, то оно вообще представляется, мягко говоря, «химическим».

Итак, довольно туманная трактовка «обязанности» суверена, привязанная, главным образом, к неким его субъективным качествам и пожеланиям, оставляет, по-видимому, широкий простор для интерпретации «права» суверена. Читаем: «Право – одна из нормативных систем, регулирующих отношения в обществе, действия и поведение, функционирование объединений и государственных органов... система общеобязательных норм, охраняемых силой государства...» [22]. Принимая теперь во внимание специфику гоббсовского понимания структуры властных отношений, «распределение ролей» внутри нее, сам тотальный характер верховной власти, отданной в единые руки, получается весьма интересная, на наш взгляд, дефиниция права по Гоббсу. Волеизъявление суверена, определяемое его необходимым и непреложным характером, предполагает понимание права (в широком смысле слова) как, по сути, «приказа суверена».

Довольно трудно, наверное, однозначно оценивать социально-правовую концепцию Томаса Гоббса на предмет ее, скажем, «пригодности» или «непригодности» в разработке современных социальных вопросов, ее «актуальности» или «неактуальности». Конечно, механистическая методология давно утратила свои лидирующие позиции. Изменились социально-исторические, политические реалии, и нам сегодня, возможно, не так легко проникнуться восторгами Гоббса по поводу тотального государственного контроля. Важно одно. Его «Левиафан» сыграл достаточно важную роль в истории развития общественной мысли и по-прежнему представляет определенный интерес – хотя бы в плане проблем, инициированных философом.

Довольно того, что именно Гоббс, одним из первых, так детально проработал суть «договорного» происхождения государства. Используя рационалистический метод, он тщательно проанализировал предшествующее государству (так называемое «естественное») состояние, выводя отсюда же, а именно, из особых условий естественного состояния причины перехода к состоянию гражданского, государства. Гоббс проблему видел в механизме перехода от «войны всех против всех» к «миру и стабильности», главным образом, удержании этой самой «стабильности». Интересно, что в настоящем данная проблема не теряет актуальности и обсуждается, интерпретируясь, правда, чаще в категориях социального порядка и социального хаоса.

Нельзя, конечно, обойти вниманием и разработки Гоббса в области проблемы власти. Более того, как полагает ряд исследователей данного феномена [23], первая специальная попытка определить власть как понятие связана как раз с именем Томаса Гоббса. К слову, Гоббс, в соответствии со своими представлениями о природе человека, рассматривал властные отношения как асимметричные и конфликтные – отражающие господство одних людей над другими.

«Изучение политических и правовых учений прошлого помогает лучше понять не только прошлое, но и настоящее. Связь прошлого и настоящего настолько велика, что нередко сейчас, в самом начале XXI века, мы продолжаем анализировать тексты сочинений выдающихся мыслителей прошлого, даже ведем с ними полемику как с живыми, нашими современниками» [24]. Замечательные слова, с которыми нельзя не согласиться. Ведь и правда, можно принимать или не принимать идеи знаменитого «Левиафана», но задуматься явно приходится. Может быть, потому, что не так сильно на самом деле меняется окружающая нас социальная действительность.

Примечания

1. См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. М., 1992. С. 125.
2. См.: *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2001. С. 80.
3. Там же. С. 87.
4. Там же. С. 89.
5. Там же. С. 89.
6. Там же. С. 92.
7. Там же. С. 95.
8. *Хьюбнер К.* Нация: От забвения к возрождению. М., 2001. С. 84.
9. *Гоббс Т.* Указ. соч. С. 117.
10. Там же. С. 119.
11. Там же.
12. См.: *Таранов П. С.* Философский биографический словарь, иллюстрированный мыслями. М., 2004. С. 186.
13. *Гоббс Т.* Указ. соч. С. 150.
14. Там же. С. 151.
15. Там же. С. 125–127.
16. См., напр.: *Мееровский Б. В.* Гоббс. М., 1975. С. 110.
17. *Гоббс Т.* Указ. соч. С. 131.
18. Там же. С. 133.
19. Там же. С. 160–165.
20. *Крижанич Ю.* Политика. М., 1997. С. 439.

21. Гоббс Т. Указ. соч. С. 176.
22. Ирхин Ю. В. Взаимосвязь политики, морали и права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 1999. № 1. С. 12.
23. См., напр.: Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 25–27.
24. Зотов В. Д. Десять тезисов изучения истории политической и правовой мысли // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 1999. № 1. С. 22.

Notes

1. See: Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t.* [The open society and its enemies: in 2 vol.] Vol. 1. M. 1992. P. 125.
2. See: Thomas Hobbes *Leviathan* [Leviathan]. M. 2001. S. 80.
3. Ibid. P. 87.
4. Ibid. P. 89.
5. Ibid. P. 89.
6. Ibid. P. 92.
7. Ibid. P. 95.
8. Hübner K. *Naciya: Ot zabveniya k vozrozhdeniyu* [Nation: From oblivion to revival]. M. 2001. P. 84.
9. Thomas Hobbes Op. cit. p. 117.
10. Ibid. P. 119.
11. Ibid.
12. See: Taranov P. S. *Filosofskij biograficheskij slovar', illyustrirovannyj myslyami* [Philosophical biographical dictionary, illustrated with thoughts]. M. 2004. P. 186.
13. Thomas Hobbes Op. cit. P. 150.
14. Ibid. P. 151.
15. Ibid. Pp. 125–127.
16. See, eg.: Meerovskij B. V. *Gobbs* [Hobbes]. M. 1975. P. 110.
17. Thomas Hobbes Op. cit. P. 131.
18. Ibid. P. 133.
19. Ibid. Pp. 160–165.
20. Krizhanich YU. *Politika* [Policy]. M. 1997. P. 439.
21. Thomas Hobbes Op. cit. P. 176.
22. Irhin YU. V. *Vzaimosvyaz' politiki, morali i prava* [Interrelationship between politics, morality and law] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya* – Herald of the Russian University of friendship of peoples. Ser.: Political science. 1999, No. 1, p. 12.
23. See, eg.: Ledyayev V. G. *Vlast': konceptual'nyj analiz* [Power: a conceptual analysis]. M. 2001. Pp. 25–27.
24. Zotov V. D. *Desyat' tezisev izucheniya istorii politicheskoy i pravovoy mysli* [Ten theses of the study of the history of political and legal thought] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya* – Herald of the Russian University of friendship of peoples. Ser.: Political science. 1999, No. 1, p. 22.

УДК 165.24

П. А. Романов

Понимание как специфическая форма субъективного отражения объективной действительности

Цель. Статья посвящена проблеме понимания. Несмотря на то что данная проблема рассматривается отечественной философией уже около пятидесяти лет в различных аспектах: гносеологическом, аксиологическом, психологическом и социологическом, – целый ряд вопросов, связанных с природой феномена понимания, не решен или носит дискуссионный характер. Общая цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть проблему понимания в гносеологическом аспекте и выяснить отношение понимания к вере и знанию.

Методологическая основа. В основе исследования лежат диалектические принципы историзма и всестороннего анализа проблемы.

Результаты. В статье обоснован тезис о том, что понимание является специфической формой субъективного отражения объективной действительности.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в ходе преподавания философии в вузе, а также могут служить методологической основой при разработке стратегий воспитания и обучения.